

04 1998

78

Рос. муз. газета - 1998 - № 4 - с. 7

Посвящается 125-летию

Мамонтов Ф. И.

Духовное и творческое родство двух русских музыкальных гениев, их многолетняя дружба — это легенда, но легенда, которая продолжает жить, обрастать версиями и вымыслами, какими кому Бог на душу положит. У Марины Цветаевой есть книга "Мой Пушкин". Мой!..

Так и с Шаляпиным и с Рахманиновым. У каждого исполнителя произведений Сергея Васильевича — свой Рахманинов, у певцов — свой Шаляпин. У слушателей они — свои.

Безусловно, банально напоминать, что наши герои — гении. А что есть гений? Это человек на все времена. Его деяния не принадлежат только тому времени, в которое он жил и творил (да и современники не всегда способны оценить своих гениев), они — достояние вечности! Гении всегда современны. Они приходят к нам, когда в них возникает потребность. Но и наш долг — отдавать им дань почтения, чтобы не ушли от нас и наших потомков на веки — вечные.

Может потому и отмечаем мы юбилейные даты. В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения Сергея Васильевича и Федора Ивановича. Оба родились в 1873 году: Шаляпин — в беднейшей семье из крестьян, Рахманинов — выходец из дворян. Абсолютно разные во всем, кроме гениальности, они стали удивительным дуэтом в творчестве и в жизни с первой встречи

(1897) в Частной опере Мамонтова.

Рахманинов — шофер Шаляпина на свадьбе. Между ними уговор, что первых своих дочерей назовут любимым именем Сергея Васильевича — Ирина. В 1900 году у Шаляпина родилась дочь, которую назвали Ириной. Рахманинов стал ее крестным. А нам кажется сегодня немного странным, что друзья стали кумовьями. И свою первую дочь Рахманинов тоже назвал Ириной.

Так и шли они по жизни рядом — и в творчестве и в быту. И в России и за ее пределами. Когда стало известно, что Шаляпин болен смертельно, Рахманинов каждый день, а то и два раза на дню заезжал к другу. Шаляпина не стало 12 апреля 1938 года, а последний раз Рахманинов навещал его 11 апреля. На гробе Шаляпина покоился громадный крест из белых гвоздик и белой сирени; на ленте надпись: "Моему другу. С. Рахманинов".

Конечно, все это известно. Известно также, что рукописи не горят, и все возвращается на круги своя. Шестидесять лет нет Шаляпина, пятьдесят пять — Рахманинова. Но они вернулись к нам. Долгим был этот путь домой. И начала его прокладывать легендарный директор музея Екатерина Николаевна Алексеева, 44 года возглавлявшая музей.

В 1941 году Рахманинов давал

в Карнеги-холле концерт в пользу Красной армии. Несколько тысяч долларов были перечислены им на покупку рентгеновского кабинета. В страшном 1942 году, когда фашисты еще рвались вперед, а маленький в то время музыкальный музей даже не был эвакуирован,

● Размышления после вернисажа

Двое из легенды

Алексеева устроила в Москве конференцию и выставку "Жизнь и творчество Сергея Рахманинова". Состоялся и концерт в Малом зале Московской консерватории. Вскоре Алексеева пишет Рахманинову письмо с просьбой пополнить фонд композитора в Музее и получает ответ, датированный 28 января, ровно за два месяца до смерти музыканта. Летом 1945 приходит посылка от семьи Рахманиновых с вещами, которые становятся немыми участниками выставок, в том числе и нынешней: это пластинки, наигранные композитором, любимые вещи. Перечисляя присланное, С. А. Сатина пишет: "Палка С. В. Рахманинова, которой он постоянно пользовался во время прогулок", "Часы с лодки "Сенар": часы стенные, морские, с боем, что очень забавляло С. В., доставляло ему большое удовольствие", "Рекорды (то есть пластинки — прим. авт.) Рахманинова, вышедшие из продажи и сделанные до того, как был разработан усовершенствованный метод" (то есть способ записи на 33 оборота — прим. авт.).

Вообще 45-й год был удивительно богат на новое от Рахманинова: приходили письма, негативы, мемориальные вещи, рецензии. И как итог — рахманиновская выставка осенью того же года.

Наивно было бы думать, что все делалось само собой. Конечно, были запросы, разведка, бесконечные разговоры, планы и, если угодно, авантюры. Алексеева обращается к сыну Шаляпина Борису — художнику и просит продать (это тогда-то в 45-м!) знаменитый портрет Рахманинова. Борису неоднократно предлагали за него большие суммы, но художник медлил его продавать. И вот вместо ожидаемого солидного счета Музей получил портрет в подарок. Также бесплатно пришли 26 пластинок с записью музыки композитора от Комитета имени Рахманинова, возглавляемого Владимиром Горовицем (1948). Тогда же Алексеева поднимает вопрос о созда-

нии музея Шаляпина. Екатерина Николаевна стала другом дома Шаляпиных, особенно Ирины Федоровны. Ей доверяют безмерно. И это позволит через 40 лет открыть Дом-музей Шаляпина.

В 1970 году Алексеева затеяла поездку в США (назовем ее "экспедицией № 1"), совершив казалось бы невероятное. Она сумела собрать и вывезти на спецсамолете более тысячи единиц хранения в рахманиновский фонд! Среди них: кресло с вышивкой дочери, столик, записные книжки, лорнет, бумажник, безделушки, водительские права, письма, паспорта — российский, французский, американский. Напомним, что гражданство США Рахманинов принял лишь незадолго до смерти из-за необходимости введения в силу завещания.

На снимках:

1. 1993 г. В кабинете директо-

риды (слева направо) — Хель-

ча Осиповна Шаляпина и Ирина

Борисовна Шаляпина-Мерфи;

стоят (слева направо) — Ва-

лентина Александровна Евсеева

и Анатолий Дмитриевич Панюш-

кин. Фото М. Далибандо.

2. Ф. Малявин. Девушка.

3. Один из подарков Федору

Ивановичу Шаляпину (Из собра-

ния ГЦММК).

4. Татьяна Федоровна Шаля-

пина и директор Музея музыкаль-

ной культуры Анатолий Дмитри-

евич Панюшкин в Доме-музее

Ф. И. Шаляпина. 1993 г.

(Окончание на 7-й стр.)

Ф. Шаляпина, С. Рахманинова, А. Неждановой

(Окончание.)

Начало на 6-й стр.)

А вот другой эпизод, или "экспедиция № 2". В музее готовились к 120-летию со дня рождения Шаляпина и пригласили дочь Федора Ивановича Татьяну, а из семьи Бориса — вдову Хелен, дочь Ирины и ее сына. Поскольку приглашенные колебались и раздумывали, ехать или нет, директор Анатолий Дмитриевич Панюшкин отправился за ними в Нью-Йорк. Вскоре мы встречали их всех в Шереметьево, а сопровождающим грузом прибыли картины из коллекции Бориса, размещенные потом на выставке в Доме отца. Когда же Панюшкин затеял разговор с Хелен о покупке портрета до-

чери Рахманинова (вспомним подобную просьбу Алексеевой в 45-м продать портрет Рахманинова!), она ответила уклончиво: "Анатолий (так она называла нашего директора), Анатолий, все будет в порядке". И действительно, все стало в порядке и через два года музей получил дарственную на все 38 картин. Так были продолжены родственные отношения между семьей Бориса (переправившей в 79-м в музей оперные костюмы Шаляпина согласно завещанию Бориса) и Музеем.

И вот, наконец, "экспедиция № 3". Навещая в очередной раз Шаляпиных в Коннектикуте, наш директор вел неспешный, как всегда, разговор в мастерской

Бориса на первом этаже. Через некоторое время Хелен сказала: "Извини, Анатолий, я на минутку" и поднялась на второй этаж. Минутка затянулась, беспокойство проявлять было неловко и беседа продолжалась с Ириной. Но вот что-то зазвняло и застучало: это Хелен Шаляпина, леди очень пожилая, весьма хрупкого телосложения, несла большой клеенчатый мешок, зацепляя им за ступеньки деревянной лестницы. Как из пещеры Алладина доставала Хелен одну за другой вещи из мешка: то были подлинники сокровища, дары почитателей таланта Шаляпина, серебряные кубки и чаши, подстаканники и портсигары с трогательными надписями... Все это занимает

достойное место в фонде Шаляпина и на нынешней выставке.

А потом были покупки двух театральных костюмов Шаляпина к опере "Борис Годунов", которые соседствуют сегодня на выставке с костюмами, подаренными семьей Бориса, и покупка — совсем недавно, перед самым 125-летием — еще одного портсигара, полученного Шаляпиным от Мамонта Дальского. И еще: Музею удалось купить авторскую рукопись "Вокализа" Рахманинова, в которую Сергей Васильевич вносил изменения по совету А. В. Неждановой, чей 125-летний юбилей мы также отмечаем в этом году.

Как видим, и собирательский и исследовательский процессы

не заканчиваются, недавно вышел в свет компакт-диск архивных записей Шаляпина, готовятся к изданию "Вокализ" Рахманинова, музыкальная иконография "Шаляпиниана". Но вот что хотелось бы сказать в заключение: в 1988 году открылся филиал Музея музыкальной культуры — Дом-музей Ф. И. Шаляпина. В Москве на Страстном бульваре сохранился дом и квартира, откуда уехал за рубеж Рахманинов. Наш долг — увековечить в нем память великого русского композитора, создав там мемориальный музей. Материалов для этого у нас предостаточно.

Ирина МЕДВЕДЕВА,
Надежда СЕВНИЦКАЯ

Авторы признательны А. А. Наумову за консультацию в работе над данной статьей.

ей стороны он прислушивался к моим замечаниям относительно вокальной стороны произведения, тесситуры, неудобных для пения интервалов, о возможностях их изменения. Все его романсы я прошла с ним". "В больших симфонических концертах, — рассказывает Нежданова, — где Сергей Васильевич выступал как дирижер, я иногда пела под его управлением различные оперные арии, в частности, из оперы "Лакме". В этих же концертах он изумительно аккомпанировал мне на рояле свои романсы. Его вдохновенный, выразительный, проникновенный аккомпанемент так воодушевлял меня, что невольно исполнение их приобретало еще больше выразительности, чувства и блеска".

Однажды в 1906 году стечение обстоятельств, связанное с жесткими условиями театральной конторы, чуть было не поссо-

оставалось только выразить ему от всей души свою глубокую благодарность за такое лестное мнение и исключительное отношение ко мне".

"Вокализ" свой, — свидетельствует великая певица, — до напечатания он приносил ко мне и играл его много раз. Мы вместе с ним для более удобного исполнения обдумывали нюансы, ставили в середине фразы дыхание. Репетируя со мной, он несколько раз тут же менял некоторые места, находя каждый раз какую-нибудь другую гармонию, новую модуляцию и нюансы. Затем, после того, как "Вокализ" был оркестрован, я в первый раз спела его с оркестром под управлением дирижера С. А. Кусевицкого в Большом зале Благородного собрания. Успех Рахманинова как великого композитора был колоссальный. Я была бесконечно счастлива тем, что

«...Как драгоценное воспоминание»

(К 125-летию со дня рождения
С. В. Рахманинова и А. В. Неждановой)

На заре XX века почти двадцать лет плодотворно развивалось творческое сотрудничество двух великих артистов России — С. В. Рахманинова и А. В. Неждановой. Десятки совместных выступлений на концертной эстраде — в симфонических и камерных вечерах, в спектаклях Большого театра, где в течение двух сезонов (1904—1906) Рахманинов стоял за дирижерским пультом, многочисленные репетиции, оживленные, заинтересованное обсуждение творческих замыслов, совершенствование новых вокальных сочинений, практические советы великой русской певицы, которыми так дорожил композитор... В этом содружестве были свои памятные вехи — радости, размолвки, всплески вдохновения — именно так, как это и бывает в жизни.

Познакомились они в 1899 году. Эпизодические встречи у рояля в домах общих знакомых — Кусевицких, Ушковых, Морозовых переросли в 1904 году в регулярную работу над оперными партиями, которые они вначале проходили под рояль (часто заболевшего пианиста заменял Рахманинов). В отличие от других певцов, которым дирижер делал множество замечаний, Неждановой он обычно выражал свое удовлетворение и предоставлял певице руководствоваться собственным безупречным вкусом и взглядом на исполнение.

До сих пор сохранился и превосходно звучит рояль фирмы "Стенвей", который перед покупкой отбирал для Неждановой, в тон ее серебристо-жемчужному голосу, сам Рахманинов (сейчас он находится в Музее-квартире великой русской певицы). Именно за этим роялем проходили многочисленные репетиции двух артистов.

В "Воспоминаниях" Неждановой, которые находятся в Музее музыкальной культуры, сохранились некоторые подробности этих встреч. "Исполняя романсы Сергея Васильевича, — пишет артистка, — я всегда интересовалась его мнением и следовала тем указаниям, которые он делал относительно ритма, темпов, фразы, различных нюансов, фермато и пр. Со сво-

рило их. Во всяком случае, оба тяжело переживали вынужденный отказ Неждановой от участия в премьере оперы Рахманинова "Франческа да Римини". Как известно, главную партию композитор писал в расчете на ее голос и возможности: "Я с удовольствием отделяла партию, — пишет она. — На репетициях Сергей Васильевич был очень доволен моим исполнением". Однако дирекция настаивала на обязательном участии молодой певицы одновременно и в другой, новой для нее и совершенно иного характера партии — Царицы ночи в опере Моцарта "Волшебная флейта". Репетиции этих спектаклей совпадали. Не желая подводить Рахманинова на премьеру "Франчески", она, фактически, вынуждена была пойти на этот шаг, что, по ее словам, "вызвало крайнее неудовольствие и даже обиду" Рахманинова.

В 1912 году Неждановой было присвоено звание заслуженной артистки Императорских театров. Рахманинов, узнав об этом событии, посылает ей телеграмму: "Примите душевные поздравления от Вашего искреннего почитателя".

Вероятно, с этого времени начинается новый период творческих взаимоотношений. Его вершиной стало создание бесспорного "Вокализа" (соч. 34, № 14), работу над которым отличала атмосфера подлинного творческого содружества.

В один из памятных дней, как пишет Нежданова, "я была ошарашена исключительным вниманием со стороны Сергея Васильевича: он написал для меня и посвятил мне чудесный "Вокализ". Это талантливое прекрасное произведение, написанное с большим художественным вкусом, знанием, произвело сильное впечатление. Когда я высказала ему свое сожаление, что в этом произведении нет слов, он сказал: "Зачем слова, когда вы своим голосом и исполнением можете выразить все лучше и значительно больше, чем кто-нибудь словами".

"Это было так убедительно, серьезно сказано, — продолжает Нежданова, — и я так этим была тронута, что мне

часть заслуженного успеха принадлежала также и мне как исполнительнице. Рукопись "Вокализа", которую он мне подарил до концерта, хранится у меня как драгоценное воспоминание о гениальном композиторе".

Ныне эта рукопись находится в архиве композитора в Музее музыкальной культуры и представляет собой ранний вариант произведения, датированный 1 апреля 1915 года. В окончательном виде "Вокализ" датирован 21 сентября 1915 года и значительно отличается от предварительного варианта, который был подарен Неждановой. Известный музыковед В. М. Богданов-Березовский, проведя сравнительный анализ двух рукописей, пришел к аргументированному выводу: "Все сделанные первой советчицей композитора предложения вошли в окончательную редакцию "Вокализа". Композитор принял их, увидев в них исполнительски осознанную наилучшую форму конкретизации своего собственного замысла". Интересующихся деталями этого увлекательного исследования, мы отсылаем к книге "Антонина Васильевна Нежданова. Материалы и исследования". (М. 1967. С. 261—264). Здесь же обратим внимание лишь на несколько показательных деталей. Так, сверху на первом листе рукой Рахманинова написано "cis moll" — это предложенное певицей и принятое композитором транспонирование (из самой мрачной минорной тональности "es moll" — в более светлую). Затем, в некоторых тактах вокальной партии карандашом зафиксированы варианты решения мелодической линии, направленные на придание ей большей распевности, протяженности за счет сокращения дробности орнаментированного движения. Наконец, изучая первое печатное издание, нельзя не обратить внимание, насколько богаче стали гармонии, подголоски, органичнее все произведение в целом и в деталях.

К сожалению, хрупкая граммофонная промышленность России, напроочь разрушенная первой мировой войной, в течение почти трех последующих десятилетий не

смогла зафиксировать неповторимое искусство великой русской певицы, находившейся в полном расцвете творческих сил. Однако сохранились воспоминания Н. С. Голованова, которому в течение двадцати семи лет посчастливилось быть постоянным аккомпаниатором А. В. Неждановой. "Я много работал с ней, — пишет Голованов, — и поэтому знаю все тонкости ее исполнения... Вот как, например, она исполняла "Вокализ" С. В. Рахманинова, ей посвященный, который она неоднократно пела под прекрасным аккомпанементом автора. Надо сказать, что это одно из труднейших вокальных сочинений, где все скромно и как будто просто. Но, исполняя этот шедевр, нужно раскрыть всю глубину мысли, громадное внутреннее содержание, философскую созерцательность, скорбную патетику... и главное — нужно вдохновенное использование напевности во всей ее трогательности и нежности... Внимание Антонины Васильевны было обращено на постоянное легато и в связи с этим на длительность дыхания. Она также искала нужную динамику и нюансы, тут были бесконечные пробы crescendo и diminuendo, ritenuto и accelerando. Остановившись на верхнем до-диез на тончайшем пианиссимо, она делала небольшое crescendo и снова уходила на пианиссимо — прием, не всякому доступный по своей трудности. Пробовались оттенки звучания: как взять ту или иную ноту — ближе, глубже, светлее, темнее, и, наконец, велись вдохновенные поиски нужного настроения — тихой грусти, светлой, целомудренной печали — и того неопределимого "чуть-чуть", которое в искусстве — все".

Как известно, Рахманинов с певицами записывался крайне редко. Запись оркестровой редакции "Вокализа" с Филадельфийским симфоническим оркестром в 1929 году стала прощальным приветом прекрасным годам творчества в России.

Владимир РУДЕНКО

На снимках:
1. Антонина Васильевна Нежданова.
2. Сергей Васильевич Рахманинов.

Ф. Шаляпина, С. Рахманинова, А. Неждановой

(Окончание.)

Начало на 6-й стр.)

А вот другой эпизод, или "экспедиция № 2". В музее готовились к 120-летию со дня рождения Шаляпина и пригласили дочь Федора Ивановича Татьяну, а из семьи Бориса — вдову Хелен, дочь Ирину и ее сына. Поскольку приглашенные колебались и раздумывали, ехать им или нет, директор Анатолий Дмитриевич Панюшкин отправился за ними в Нью-Йорк. Вскоре мы встречали их всех в Шереметьево, а сопровождающим грузом прибыли картины из коллекции Бориса, размещенные потом на выставке в Доме отца. Когда же Панюшкин затеял разговор с Хелен о покупке портрета до-

чери Рахманинова (вспомним подобную просьбу Алексеевой в 45-м продать портрет Рахманинова!), она ответила уклончиво: "Анатоль (так она называла нашего директора), Анатоль, все будет в порядке". И действительно, все стало в порядке и через два года музей получил дарственную на все 38 картин. Так были продолжены родственные отношения между семьей Бориса (переправившей в 79-м в музей оперные костюмы Шаляпина согласно завещанию Бориса) и Музеем.

И вот, наконец, "экспедиция № 3". Навещая в очередной раз Шаляпиных в Коннектикуте, наш директор вел неспешный, как всегда, разговор в мастерской

Бориса на первом этаже. Через некоторое время Хелен сказала: "Извини, Анатоль, я на минутку" и поднялась на второй этаж. Минутка затянулась, беспокойство проявлять было неловко и беседа продолжалась с Ириной. Но вот что-то зазвняло и застучало: это Хелен Шаляпина, леди очень пожилая, весьма хрупкого телосложения, несла большой клеенчатый мешок, зацепляя им за ступеньки деревянной лестницы. Как из пещеры Алладина доставала Хелен одну за другой вещи из мешка: то были подлинные сокровища, дары почитателей таланта Шаляпина, серебряные кубки и чаши, подстаканники и портсигары с трогательными надписями... Все это занимает

достойное место в фонде Шаляпина и на нынешней выставке.

А потом были покупки двух театральных костюмов Шаляпина к опере "Борис Годунов", которые соседствуют сегодня на выставке с костюмами, подаренными семьей Бориса, и покупка — совсем недавно, перед самым 125-летием — еще одного портсигара, полученного Шаляпиным от Мамонта Дальского. И еще: Музею удалось купить авторскую рукопись "Вокализа" Рахманинова, в которую Сергей Васильевич вносил изменения по совету А. В. Неждановой, чей 125-летний юбилей мы также отмечаем в этом году.

Как видим, и собирательский и исследовательский процессы

не заканчиваются, недавно вышел в свет компакт-диск архивных записей Шаляпина, готовятся к изданию "Вокализ" Рахманинова, музыкальная иконография "Шаляпиниана". Но вот что хотелось бы сказать в заключение: в 1988 году открылся филиал Музея музыкальной культуры — Дом-музей Ф. И. Шаляпина. В Москве на Страстном бульваре сохранился дом и квартира, откуда уехал за рубеж Рахманинов. Наш долг — увековечить в нем память великого русского композитора, создав там мемориальный музей. Материалов для этого у нас недостаточно.

Ирина МЕДВЕДЕВА,
Надежда СЕВНИЦКАЯ

Авторы признательны А. А. Наумову за консультацию в работе над данной статьей.

ей стороны он прислушивался к моим замечаниям относительно вокальной стороны произведения, тесситуры, неудобных для пения интервалов, о возможностях их изменения. Все его романсы я прошла с ним". "В больших симфонических концертах, — рассказывает Нежданова, — где Сергей Васильевич выступал как дирижер, я иногда пела под его управлением различные оперные арии, в частности, из оперы "Лакме". В этих же концертах он изумительно аккомпанировал мне на рояле свои романсы. Его вдохновенный, выразительный, проникновенный аккомпанемент так воодушевлял меня, что невольно исполнение их приобретало еще больше выразительности, чувства и блеска".

Однажды в 1906 году стечение обстоятельств, связанное с жесткими условиями театральной конторы, чуть было не поссо-

оставалось только выразить ему от всей души свою глубокую благодарность за такое лестное мнение и исключительное отношение ко мне".

"Вокализ" свой, — свидетельствует великая певица, — до напечатания он приносил ко мне и играл его много раз. Мы вместе с ним для более удобного исполнения обдумывали нюансы, ставили в середине фразы дыхание. Репетируя со мной, он несколько раз тут же менял некоторые места, находя каждый раз какую-нибудь другую гармонию, новую модуляцию и нюансы. Затем, после того, как "Вокализ" был оркестрован, я в первый раз спела его с оркестром под управлением дирижера С. А. Кусевицкого в Большом зале Благородного собрания. Успех Рахманинова как великого композитора был колоссальный. Я была бесконечно счастлива тем, что

Рос. муз. газета.

— 1998. — № 4. — с. 7